

Овчинникова И. Г.
Пермский госуниверситет
(Пермь)

**Дихотомия *свой – чужой* в сознании молодых россиян
(по материалам ассоциативного эксперимента)¹**

0. Цель исследования – выяснить представление молодых россиян о ключевой дихотомии *свой – чужой* на основе анализа словесных ассоциаций. В качестве материала исследования использовались вербальные ассоциации на 37 слов-стимулов (почти 14000 реакций, полученных от 450 студентов Пермских вузов в течение последних трех лет)².

1. Дихотомию *свой – чужой* считают базовой для человеческого сознания, фундаментальной для развития этноса и национальной культуры. Эта дихотомия лежит в основе формирования национальной и социальной идентичности (Майков 2006). Естественно, представление о *своем* и *чужом* меняется в зависимости от эпохи и культурной традиции. Исследование рассматриваемой дихотомии имеет богатую научную традицию как в отечественной науке, так и за рубежом.

Для мифологического сознания принадлежность к *своим* предопределяет положительную оценку любого события или явления. По отношению к *чужому* допустимы неприемлемые для *своих* действия и поступки, во взаимоотношениях с *чужими* действуют иные нормы (Леви-Стросс 1994). Осознание ценности индивидуальности и личной свободы усложняет дихотомию, нивелирует полярность. *Свои* и *чужие* сближаются по целому ряду признаков. Из оценочной шкалы дихотомия превращается в полевую структуру, таксономия уступает место вероятности. Представления о *своем* и *чужом* образуют целостную систему, в которой все элементы взаимосвязаны.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ (05-06-80070, частично 07-04-82402a/y) .

² Основной эксперимент проведен и обработан А.А. Кибановой (Кибнова 2006).

В современном мире можно обнаружить различные стадии развития дихотомии *свой – чужой*. Сосуществование упрощенной дихотомии и поля, подчиненного вероятностным закономерностям, обусловлено неоднородностью сознания, необходимостью различных модусов и типов мышления, востребованных в разных сообществах при различных видах деятельности. Дихотомия представляет основу для первичной классификации и оценки явлений. При объединении объектов в класс интуитивное познание ориентируется на «разумные способы группировки», в которых отражена внутренняя структура ситуации, функции и смысл объектов в деятельности индивида (Вертгеймер 1987: 160). Ситуативная группировка основана на целостном представлении об объекте (Брунер 1977: 328). Определение *своего* или *чужого* также основано на целостном представлении. Объект относят к *своим* или *чужим* на основе ряда признаков; причем, как правило, основанием для классификации становятся перцептивно выпуклые, т.е. легко воспринимаемые признаки.

Поскольку разграничение *свой* и *чужой* культурно обусловлено, постольку оно варьирует в различных национальных культурах. *Чужим* оказывается представитель иного этноса, носитель иной культурной традиции (Байбурин 1993). По мере развития национальная культура утрачивает свою однородность, параллельно развиваются «низкая» и «высокая» субкультуры, фольклор и литературная традиция (Бахтин 1990). В индустриальную эпоху соотношение субкультур усложняется: помимо традиционной и элитарной формируется городская и профессиональная субкультуры (Толстой 1995). Неоднородность национальной культуры усложняет самоидентификацию и снижает ценность простой классификации на основе перцептивно выделенных признаков. В конечном итоге, разграничение на *своих* и *чужих* по этническому признаку, по принадлежности к одной культурной традиции и использованию одного языка, утрачивает базовую ценность.

Помимо вариативности в разных национальных культурах и субкультурах, разграничение на *своих* и *чужих* существенно варьирует в зависимости от социальных факторов, в том числе и от религиозной конфессии (Майков 2006). Социальные факторы приобретают перцептивную выпуклость в авторитарных сообществах, в которых бытует упрощенная система ценностей, апеллирующая к разграничению *своих* (членов социума) и *чужих* (социально чуждых) (Малашенко 1993). Поскольку упрощенная система не позволяет полноценно ориентироваться в деятельности, развивается «двоемыслие». В советском обществе мифологическое сознание сочеталось с фрагментарностью, с немифологизированными явлениями (Коновалова 1998).

Рискуя несколько упростить картину, позволим себе разместить дихотомию *свой – чужой* в трехмерной системе координат: ось сознания, ось культуры, ось социальных отношений. Проецируясь на ось сознания, члены оппозиции определяют систему интуитивных оценок и группировок. Проекция на ось культуры позволяет обнаружить совокупность культурно маркированных признаков (национальность, образование и т.п.) и их значимость для опознания *своих* и выделения *чужих*, оценить культурное расстояние между *своими* и *чужими*. Наконец, проекция на ось социальных отношений позволяет выявить социально закрепленные стереотипы *своего* и *чужого*, оценить их важность для членов социума. Естественно, расположение любой точки в этом трехмерном пространстве определяется ее координатами на всех трех осях.

2. Поскольку мы пытаемся определить, как представляют себе дихотомию *свой – чужой* молодые россияне, выросшие в постсоветскую эпоху, нас будет прежде всего интересовать ось сознания. Полагаем, что выявив ментальные репрезентации членов дихотомии, мы сможем оценить меру влияния на представления о *своем* и *чужом* культурных и социальных факторов.

2.1. Начнем обсуждение наших материалов с анализа представлений о *чужом*. Обратимся к анализу ассоциаций, полученных на слово-стимул ЧУЖОЙ.

Реакции на этот стимул довольно разнообразны: лексическое разнообразие ассоциативного поля равно 0,59; иначе говоря, более половины ассоциаций неслучайны. В нашем эксперименте на стимул ЧУЖОЙ получены частотные реакции *враг, человек, свой, дом, фильм, странник, чудовище, злой, страшный*. С относительной частотностью не менее 0,02 встречаются ответы *не наш, не свой, не мой, иностранец, незнакомый, посторонний*. Единичные ассоциации *оборотень, шпион, недруг, неприятель, мусор, дикий, бандит, изгой, монстр, опасение, маньяк, будь осторожен, отторжение, пришлый, пугающий, шпион, нерусский* и др. свидетельствуют о негативном отношении молодых людей к ЧУЖОМУ. Специально оговорим: ЧУЖОЙ не ассоциируется ни с одним конкретным этносом. Для современных студентов в семантике лексемы ЧУЖОЙ актуальны противопоставления в системе «реальное-виртуальное» и в системе социальных отношений.

Конкретизировать представления о чужом позволяют ассоциации на слова-стимулы, обозначающие актуальные социальные явления. Не останавливаясь на единичных ассоциациях, рассмотрим неоднократно повторяющиеся реакции. Слово-стимул БЕЖЕНЕЦ у испытуемых ассоциируется со словами *бомж, Чечня, чеченец, бездомный, война, нищий*. БОМЖ – это прежде всего *грязь, бездомный, грязный, нищий, бич, бродяга, улица, подвал*. Приведенные ассоциации встречаются у студентов различных вузов и специальностей. Полагаем, что студенческая молодежь БОМЖ и БЕЖЕНЕЦ помещает в категорию *чужой*, оценивая существенность социальной дистанции между собой и асоциальными элементами. В категорию *чужой* попадает также ОЛИГАРХ (*вор, барыга, хануга, мафиози, морда, воры, негодяй, толстосум*), хотя на это слово-стимул отмечены и частотные реакции с нейтральной и положительной коннотацией (*деньги, богатство, карьера*). Отрицательная оценка ОЛИГАРХ, экспликация социальной дистанции между собой и ОЛИГАРХ характерны для студентов экономических

специальностей РГТЭУ³. Та же группа респондентов относит к категории *чужой* еще и ИНТЕЛЛИГЕНТ, ассоциирующееся не только с образованностью, но и с отрицательной оценкой (*вишивый, пижон, придурок*). Ассоциации студентов других вузов Перми не дают основания поместить ИНТЕЛЛИГЕНТ в категорию *чужой*.

Таким образом, *чужой* в сознании молодых россиян – это представитель иной социальной группы. Оказывается значимой и пространственная отдаленность *чужого*. Этническая характеристика *чужого* менее существенна, чем социальная: к *чужим* относят *нерусских* и *чеченцев*. Культурная компонента в оценке *чужого* проявляется не у всех респондентов. Насколько мы можем судить, для сознания молодых россиян остаются актуальными некоторые социальные стереотипы советской эпохи. Категория *чужой* слабо дифференцирована; объединяющими категорию признаками остается отдаленность в пространстве и отрицательная оценка. Представление о *чужом* в сознании молодых россиян во многом совпадает с концептом *чужой* в народной и массовой идеологизированной субкультурах советской эпохи (см. о содержании концептов: Выходцева 2006: 7).

2.2. Перейдем к обсуждению репрезентации категории *свой*.

Начнем с анализа ассоциативных реакций на слово-стимул РУССКИЙ.

На стимул РУССКИЙ наши испытуемые дали довольно много совпадающих реакций: *язык, человек, мужик, Иван, Ваня, дурак, дух, характер, наши, родной, национальность*. При рассмотрении единичных реакций пермских студентов обнаруживаем, что молодые россияне полагают актуальными для РУССКИЙ связи со словами *американец, араб, бомж, блин, бунт, водка, глубокий, гордость, душа, круто, национализм, наш человек, немец, особый менталитет, патриот, православие, повезло, татарин* и др.. Помимо отмеченных эмоциональных оценок (*гордость, круто, повезло*) встречаем жаргонное *лох* и несколько высокопарное *многострадальный народ*. Специально оговорим, что этнонимы *американец,*

---

³ Пермский филиал Российского Государственного Торгово-Экономического Университета.

немец, араб, татарин встречаются среди единичных реакций. Рассматриваемое слово-стимул актуализирует негативные социальные явления (*бомж, бунт*), что можно рассматривать как отражение некоторой социальной озабоченности. По-видимому, для молодых россиян более актуальны характеристики в рамках категории «РУССКИЙ», а не противопоставление русского этноса другим в категории «национальность». Возможно, характеристика категории посредством номинации признаков и качеств отражает активное переосмысление содержания самой категории. Как видим, РУССКИЙ – *свой* представлен в молодежном сознании многомерно, преобладает положительная эмоциональная окраска.

Неединичные ассоциации на слова-стимулы МЫ, Я, МОЛОДОЙ, СЕМЬЯ позволяют добавить к характеристике *своего* такие признаки, как *активный, вместе, вы, ты, дом, дети, дружба, друзья, Замятин, здоровый, индивид, команда, личность, любовь, мама, моя, родные, семья, студенты, эго*. Слово-стимул РЕГИОН вызывает неединичные ассоциации, свидетельствующие о важности для членов категории *свой* пространственной близости: *область, 59, Пермь, Пермский, Урал, наш, край*. Студенты-филологи относят к категории *свой* артефакты культуры и персоналии (*сказка, Д.С. Лихачев, Солженицын, Бахтин, Сахаров, Достоевский*). В целом специальность оказывает определенное влияние на представление о *своем*. Насколько мы можем судить, категория *свой* в сознании студентов Пермского государственного университета, в особенности филологов, в определенной мере совпадает с концептом *свой* в элитарной субкультуре (Выходцева 2006: 8).

Таким образом, категория *свой* в сознании молодых россиян включает характеристики по этническим, социальным и культурным признакам. *Свой* принадлежит тому же этносу, той же культуре, соблюдает те же традиции, входит в ту же социальную группу. *Свой* близок в пространстве, знаком, родствен. *Свой* – это личность, индивид, с которым связывают любовь и дружба. Тем не менее,

категория *свой* неоднородна и противоречива. *Свой* не свободен от недостатков, порой заслуживает негативной оценки.

3. Подведем итоги анализа представлений молодых россиян о ключевой дихотомии *свой – чужой*.

3.1. Для молодых россиян дихотомия *свой – чужой* во многом совпадает с той, что выявляется по семантическим признакам в народной культуре советского периода. И.В. Выходцева установила, что «основные семантические признаки данной оппозиции в НК: «*свой*» мир – мир уникальных и индивидуальных объектов, конкретный, близкий, родственный; «*чужой*» мир – это масса, толпа, социально и культурно чуждая и враждебная, опасная, иноземная, инородная, посторонняя, далекая и неведомая» (Выходцева 2006: 7). Для современных студентов противопоставление по этнической принадлежности не столь актуально. Более существенным оказывается дистанцирование от чужого по пространственным и социальным признакам.

3.2. Представление о *чужом* не свободно от стереотипов массового сознания, в том числе и сформированных в советскую эпоху. Стереотипы в меньшей мере проявляются в ассоциациях студентов университета.

3.3. Структура категории *свой* сложна. Сама категория неоднородна, *свой* характеризуется этническими, культурными, социальными и пространственными признаками. Наличие любого из признаков может считаться основанием для включения в категорию. Предполагаем, что категория приобрела полевую структуру. Выявление центра и периферии поля – задача специального исследования.

3.4. Очевидно, представления молодых россиян о дихотомии *свой – чужой* отражают переосмысление границ между своим и чужим, неустойчивость категории *свой* в современной российской ментальности, утрату системы координат для оценок. С одной стороны, категория *свой* допускает не только положительную оценку. С другой стороны, категория *чужой* пока не утратила

негативную оценочность. По мнению Н.В. Уфимцевой, «сознание русских из «монологического» стало «полилогом», в нём обнаруживается множественность подходов, позиций, оценок что создаёт основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М.Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» (Уфимцева 2002: 162). Таким образом, сознание молодых – это один из голосов в общенациональном полилоге. В сознании молодых представлены основные фазы национальной самоидентификации (Щеглова и др. 2002). Об актуальности фазы этнодифференциации – осознании особенностей своей общности, отличий «мы» от «они» – свидетельствуют ассоциации *православие* и обозначения других этносов. Фаза выработки авто- и гетеростереотипов представлена ассоциациями *характер, душа, особый менталитет*. Наконец, фазу формулирования национального идеала (представления о социально-исторических задачах, предназначении, а также о господствующих ценностных ориентациях, специфических для данной общности) отражают ассоциации *многострадальный народ, патриот*. Очевидно, сосуществование фаз обусловлено переоценкой содержания образа России и значения этнонима РУССКИЙ. В языковом сознании можно проследить этапы эволюции «русской идеи», обусловленные временем и социальными сдвигами (Бицилли 1992: 34).

3.5. Студенты, оставаясь социально однородной группой, демонстрируют существенные различия в представлении о *своих* и *чужих*. Приверженность стереотипам, склонность к простой группировке на основе бинарных оценочных оппозиций в большей мере характерна для студентов экономических специальностей. Университетские студенты, прежде всего филологи, склонны использовать многомерные классификации, актуализировать различные основания для оценки *своих*. Насколько мы можем судить, осознание дихотомии культурно обусловлено: близость представления о противопоставлении *свой – чужой* элитарной культуре обнаруживается у студентов-филологов.

Литература

- Бицилли П. М. Нация и язык // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1992. Т. 51. № 5.
- Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно- семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.
- Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987.
- Выходцева И. С. Концепт «свой – чужой» в советской словесной культуре (20 – 30-е гг.). АКД. Саратов, 2006.
- Кибанова А. А. Актуальные концепты в сознании молодых россиян // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2006. С. 50-56.
- Коновалова Ж. Ф. Миф в советской истории и культуре. СПб., 1998.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994.
- Майков А. В. Патриотизм и национализм в системе "свой-чужой" // Опубликовано в Русском журнале 26.01.2006. <http://2005.russ.ru/comments/108781226>.
- Малашенко А. В. Из прошлого в прошлое? Фундаментализм ислама и православия // Свободная мысль. 1993, № 14.
- Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Уфимцева Н. В. Взаимодействие культур и языков: теория и методология // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., 2002. С.152-170
- Щеглова Л. В., Шипулина Н. Б., Суродина Н. Р. Культура и этнос. М., 2002.